УДК 821.161.1

С. Р. ФЕДЯКИН*

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОДНОГО ИЗ ОБРАЗОВ В ЦИКЛЕ «ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ» АЛЕКСАНДРА БЛОКА

В статье прослеживается возникновение одного из образов Блока в цикле «Пузыри земли». Как замечали ещё современники, музыкальное начало в лирике поэт ставил выше законов грамматики. Ради нужной ему интонации он готов был пренебречь нормами языка. Эта особенность Блока раздражала одних современников, но она же находила понимание у других. При редактировании стихотворения «Болото — глубокая впадина…» Блок пошёл на подобное нарушение грамматики, заменив слово мужского рода «глаз» на слово среднего рода «око». Это повлекло за собой изменение всей образной системы стихотворения.

Ключевые слова: Александр Блок, поэзия, лирика, образ, музыкальное начало, грамматика.

Сюжет из воспоминаний Сергея Маковского: он, редактор «Аполлона», читает стихи Блока, находит в них стилистические погрешности, посылает поэту корректуру со своими замечаниями. Ответ — обескураживает: «Печатайте все стихотворения в указанном порядке безо всяких изменений, или — ни одного» [11, 385]. В письме Блок поясняет: «всякая моя грамматическая оплошность в этих стихах *не случайна*, за ней скрывается то, чем я *внутренне* не могу пожертвовать; иначе говоря, мне так “поётся”…» [7, 301].

Заведомая готовность поэта печатать «с ошибками» изумляет Маковского и многие годы спустя, когда он пишет мемуары. Но эти же «оплошности» вовсе не удивляют учёного, который пытается вскрыть самые основы поэтического языка. П. М. Бицилли в статье, посвящённой Блоку, перечислит разнообразные «неправильности» в его стихах. Вывод — сродни признанию поэта («так “поётся”»): «люди научились петь раньше, чем говорить», и поэзия Блока «возвращается к своему первоисточнику, к своему лону, к Музыке» [2, 3]. При этом сам поэт, «сливая вместе, в одно “пра-слово”, целые фразы», приходит «к тому “пред-языку”, который выразительнее, целостнее всякого языка» [Там же].

Блок не настаивал на верности своего ощущения. В том же письме Маковскому он прибавит: «Очень может быть, что уйдя от стихотворения

* Сергей Романович Федякин — кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Литературного института имени А. М. Горького (Москва, Российская Федерация); serofed2010@yandex.ru

на известное расстояние, я смогу без жертвы найти эквивалент некоторым строчкам — более “грамотный”; может быть, при этом, воспользуюсь именно Вашими указаниями, потому и благодарю Вас» [7, 301]. И тем не менее, в «Итальянских стихах», о которых вспоминал Маковский, он «ошибки» править не стал. В работе же над иными стихами путь поэта иной раз был даже противоположный: от «грамматически правильного» к «неправильному».

Начало стихотворения 1905 года, которое увидит свет в 1907-м, в книге «Нечаянная Радость»:

Болото — глубокая впадина
Огромного глаза земли.
Он плакал так долго,
Что в слезах изошло его зренье
И чахлой травой поросло [4, 140].

Озеро — «глаз земли»[1]. К Блоку, автору работы «Поэзия заговоров и заклинаний», образ этот мог прийти из книг, посвящённых устному народному творчеству, но мог явиться в Шахматове или Боблове из разговоров местных крестьян, так же, как пришло однажды поразившее его поверье: «Она мчится по ржи» [6, 38][2].

Народный образ «глаза земли» — это семя, из которого вырастает у Блока целая мифологема. Озеро глядит в небо, отражая в себе его синеву. Но проходят времена, и оно мутнеет, сохнет. Так и глаза туманятся от старости. Зренье «изошло», озеро превратилось в болото.

Образ — как часто бывает у символистов — двоится, заставляя видеть и «впадину» почти ослепшего глаза, и влажную впадину в земле. Последующие строки ещё более усиливают ощущение «двойственности»: появляются зелёные искры из-под «смеженных ресниц», они же — болотные огни:

Но сквозь травы и злаки
И белый пух смеженных ресниц —
Пробегает зелёная искра,
Чтобы снова погаснуть в болоте [Там же].

В этой редакции смысловая «неоднозначность» образа вряд ли могла бы вызвать «грамматическое» нарекание со стороны Сергея Маковского. При переиздании в 1912 г. в составе второго тома собрания стихотворений текст не претерпел особых изменений [8, 135]. Но ещё через несколько лет, при подготовке нового издания собрания, Блок начало переработал:

Болото — глубокая впадина
Огромного ока земли.
Он плакал так долго,
Что в слезах изошло его око
И чахлой травой поросло [9, 22].

---

[1] Позже на тот же образ обратит внимание Пришвин. В его книге «Календарь природы» он только лишь запечатлён: «в народных поверьях озёра — это глаза земли» [см. 14, 302]. Но образ писателю показался настолько значимым, что позднюю книгу, созданную на основе своих дневников, он назовёт именно так: «Глаза земли».

[2] Толкование этого образа см. у В. Б. Микушевича [12, 88–92].

Вместо слова «глаз» поставлено «око». Появились новые смысловые обертоны: за «оком земли» проступают болотные окна — те самые, которые, например, заставили так тревожиться обитателей Шахматова летней ночью 1905 года, когда Сергей Соловьёв, двигаясь за «путеводной звездой», плутал по опасным местам до утра[1].

Если обратиться к черновику, самому первому — допечатному — варианту строк, очевидна не случайность этого изменения:

Болото — огромная впадина
Гигантского глаза земли…[2]

Звук «г» во второй строке со временем — в разных изданиях — всё более вытесняется звуком «о»; тот захватывает вторую строку, отчетливо проявившись и в четвёртой («изошло его око») и подчеркнув тем самым этот «округлый» звук в остальных строках.

Несомненно, через такое нагнетание «о» Блок усилил то, что называют «магией» звучания, строки «задышали» по-иному. Но и самые контуры впадины теперь становятся отчётливыми, усиливая зримую сторону образа. Например, озеро Бездонное, именно такой «глаз» в окрестностях Шахматова (о нём в записной книжке Блок скажет: «Отдушина океана» [3, 108]), — совершенно округлой формы.

Но вместе с тем слово «око» меняет и связь слов. «Глаз» — мужского рода. И когда его заменяет средний род, «око», в третьей строке — «Он плакал так долго» — грамматика вступает в свои права и преобразует всё. Плачет не «земля», не «око». Плачет «Он». Не «глаз земли», но кто-то неизвестный, трудно различимый и — связанный с жизнью болот. Будто земная поверхность (её выпуклости и морщины) вырисовывает древний, заросший мхами и чахлыми травами почти уже неясный лик[3].

Эта «смутность», загадочность образа появилась в то самое время, когда Блок давно ушёл от неясностей ранней лирики, когда в стихах он сам стремится к смысловой точности[4]. Но в 1907-м, как и в 1912 году, стихотворение входило в раздел «Нечаянная радость». Здесь «болотные» образы — лишь часть цикла. В 1916-м Блок создаёт во втором томе собрания новый раздел — «Пузыри земли» — с эпиграфом из шекспировского «Макбета»:

Земля, как и вода, содержит газы,
И это были пузыри земли [5, 10].

К выбранным для этого раздела стихотворениям из цикла «Нечаянная радость» (с образами «отдалённого скита», «речных излук», «болотных

---

[1] О том, как боялись обитатели Шахматова, что С. М. Соловьёв попадёт в болотное окно, писал Андрей Белый в «Воспоминаниях о Блоке» [см.: 1, 180–181].

[2] См. этот вариант: [5, 235].

[3] В комментариях к полному собранию сочинений мы находим отсылку к образу скандинавского Одина. Там же (что представляется более точным) отсылка к менее определённому образу: «глаз мифического существа», который «представляется в виде источника, омываемого водой, как слезами» [5, 574].

[4] Об особенностях поэзии Блока 1910-х гг. см. в статьях К. В. Мочульского [13, 2] и В. В. Вейдле [10, 315–316].

чертеняток», тощих злаков, поздней осени) прибавилось несколько произведений из цикла «Весеннее» (с образами «перекрёстка, где даль поставила», «весеннего пути в теремок», «чертенят и карликов», «болотного попика», «тварей весенних»). С обретённым разнообразием мир болот, «седых прудов», «лесных скважин» (где — «поседелых туманов развалины») и т. д. стал словно бы и более населённым. Быть может, ещё существенней, что из этого мира ушли образы, связь которых с этими заповедными местами и причудливыми существами («пузырями земли») была сомнительной: «Сольвейг» и «Незнакомка» из цикла «Весеннее», «Христос в цепях и розах» из «Нечаянной радости». Потому-то, рядом с «золотистыми лицами купальниц», «болотным попиком», миром «тварей весенних», «болотных чертенят», и могло возникнуть ещё одно гигантское существо — загадочный «Он», — чьё око «в слезах изошло».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андрей Белый.* О Блоке. — М. : Автограф, 1997.
2. *Бицилли П.* Литературные эксперименты. 2. Блок // Россия и славянство (Париж). — 1932. № 197. 3 сент.
3. *Блок А. А.* Записные книжки. — М. : Художественная литература, 1965.
4. *Блок А. А.* Нечаянная радость: Второй сб. стихов. — М. : Скорпион, 1907.
5. *Блок А. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. — Т. 2. М. : Наука, 1997.
6. *Блок А. А.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. — М.–Л. : Худож. лит., 1963.
7. *Блок А. А.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. — М.–Л. : Худож. лит., 1963.
8. *Блок А. А.* Собрание стихотворений. Кн. 2. Нечаянная радость (1904–1906). — М. : Мусагет, 1912.
9. *Блок А. А.* Собрание стихотворений. Кн. 2. — М. : Мусагет, 1916.
10. *Вейдле В. В.* Умирание искусства. — М. : Республика, 2001.
11. *Маковский С. К.* Портреты современников. На Парнасе «Серебряного века». Художественная критика. Стихи. — М. : Аграф, 2000.
12. *Микушевич В. Б.* Кто «мчится по ржи»? // Шахматовский вестник. Выпуск 10–11. — М. : Наука, 2010. — С. 88–92.
13. *Мочульский К.* Возрождение Пушкина // Звено (Париж). — 1924. № 72. 16 июня.
14. *Пришвин М. М.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. — М. : Худож. лит., 1982.

REFERENCES

1. *Bely A.* O Bloke [About Blok]. — M. : Avtograf, 1997.
2. *Bitsilli P.* Literaturnye eksperimenty. 2. Blok [Literary experiments. 2. Blok] // Rossiya i slavyanstvo (Parizh). — 1932. № 197. 3 sent.
3. *Blok A. A.* Zapisnye knizhki [Notebooks]. — M. : Khudozhestvennaya literatura, 1965.
4. *Blok A. A.* Nechayannaya radost’: Vtoroy sb. stikhov [Unintentional joy: The second collection of poems]. — M. : Skorpion, 1907.
5. *Blok A. A.* Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t. T. 2 [Complete works and letters in 20 vols. Vol. 2]. M.: Nauka, 1997.
6. *Blok A. A.* Sobranie sochineniy: v 8 t. T. 7 [Collected works in 8 vols. Vol. 7] — M.–L. : Khudozh. lit., 1963.
7. *Blok A. A.* Sobranie sochineniy: v 8 t. T. 8 [Collected works in 8 vols. Vol. 8]. — M.–L. : Khudozh. lit., 1963.

8. *Blok A. A*. Sobranie stikhotvoreniy. Kn. 2. Nechayannaya radost' (1904–1906) [Collection of poems. Book 2. Unintentional joy (1904-1906)]. — M. : Musaget, 1912.
9. *Blok A. A*. Sobranie stikhotvoreniy. Kn. 2 [Collection of poems. Book 2]. — M. : Musaget, 1916.
10. *Veydle V. V*. Umiranie iskusstva [The dying of art]. — M. : Respublika, 2001.
11. *Makovskiy S. K.* Portrety sovremennikov. Na Parnase «Serebryanogo veka». Khudozhestvennaya kritika. Stikhi [Portraits of contemporaries. On the Parnassus of the «Silver Age». Art criticism. Poems]. — M. : Agraf, 2000.
12. *Mikushevich V. B*. Kto «mchitsya po rzhi»? [Who is «rushing through the rye»?] // Shakhmatovskiy vestnik. Vypusk 10–11. — M. : Nauka, 2010. — S. 88–92.
13. *Mochul'skiy K*. Vozrozhdenie Pushkina [The Rebirth of Pushkin] // Zveno (Parizh). — 1924. № 72. 16 iyunya.
14. *Prishvin M.M.* Sobranie sochineniy: v 8 t. T. 3 [Collected works: in 8 vols. Vol. 3]. — M. : Khudozh. lit., 1982.

© С. Р. Федякин